

Теперь предстояло интересное зрелище.

Да, Лэн Сянлянь повесилась у ворот дома, но у Цзи Жаня, кроме первоначального раздражения из-за навлечённых неприятностей, и тени беспокойства не было. Он не виноват в её смерти, совесть чиста — чего же волноваться?

— Кто здесь из семьи Лу?

По дороге Чжан Пин и Ли Гуй договорились и рассказали прибывшим о самоубийстве Лэн Сянлянь. Полицейские из Ичжоу, ехавшие с ними, тоже были в курсе. Зная, что семья Лу собралась здесь, они поехали не к ним домой, а напрямик в усадьбу Цзи. Едва войдя, старший из них, положив руку на эфес личного меча, спросил напрямую. Это был Цянь Лян, начальник сысского управления управы Ичжоу.

Не дав семье Лу опомниться, Ли Гуй указал на них:

— Господин Цянь, вот они, все из семьи Лу.

— А где Лу Чаньюань? — грозно сверкнув глазами, окинул взглядом собравшихся начальник Цянь.

— Лу Чаньюань — младший сын, его здесь нет, наверное, дома, — пояснил Ли Гуй, махнув рукой в сторону усадьбы Лу. — Вон туда, на перекрёстке направо, третья ферма — их дом.

Цянь Лян кивнул Ли Гую и тут же махнул рукой, уводя с собой нескольких стражников.

Семья Лу, наблюдая за этим, недоумевала: мёртвое тело так и висит у ворот, а полицейские будто не замечают, и сразу же принялись за их четвёртого сына?

Старуха Лу уже собралась броситься вслед, чтобы остановить их, но едва сделала шаг, заметила, что несколько стражников остались на месте. Один из них тоже был в одежде начальника, и они его узнали — это Чжоу Юн, тот самый, что арестовывал их и однажды уводил в уездную управу.

Имя Чжоу Юна они раньше не знали, слышали только от Тао Юаня.

Но кто бы ни приехал, откуда в уезде взялся второй начальник сыска?

Семья Лу переглянулась, все были в полном недоумении.

Чжоу Юн же на них и не взглянул, сразу приказал подчинённым снять тело.

Когда тело сняли и положили на землю, Чжоу Юн взглянул на него, затем подошёл к Цзи Жаню и, сложив руки, слегка поклонился.

— Брат Цзи, у тебя с семьёй Лу и впрямь глубокая связь. На этот раз они превзошли себя, дотянулись даже до человеческой жизни. Вроде как это невестка из семьи Лу? Та самая, что была беременна. Как это она вдруг у твоих ворот повесилась?

— Брат Чжоу, — ответил тем же поклоном Цзи Жань с горькой улыбкой. — Честно говоря, я и сам не знаю, что случилось. Утром слуга доложил, я вышел — а она уже там. Семья Лу кричит о несправедливости, а я понять не могу, откуда она взялась. Всю зиму я с ними не пересекался, так в чём же моя вина?

— Как это не понимаешь?! — Старуха Лу, уже было повернувшись домой, резко обернулась и закричала. — Сянлянь ещё несколько дней назад из-за ребёнка с тобой дралась! Сердце матери и дитяти едины, она из-за ребёнка и с ума сошла! Все эти дни только и делала, что плакала, наверное, отчаялась и повесилась у твоих ворот! Ребёнок — её плоть и кровь, даже если ты его усыновил, она как мать имеет право посмотреть на него, обнять! Ты, бессердечный, довёл её до смерти! Теперь она ушла, двоих малых детей бросила, как они жить-то будут?!

В этот момент Лу Чанцин вдруг вскричал:

— Мама, четвёртого брата полицейские увели! Это же он?!

— Ох! — Старуха Лу, обернувшись, в ужасе хлопнула себя по бёдрам и, забыв обо всём, бросилась бежать. — Не стойте тут, бегите скорее со мной, посмотрим, что случилось! Четвёртый сын — образованный человек, ничего не натворил, как они смеют просто так его забирать?!

По её зову вся семья Лу, кроме двоих детей, рыдавших над телом Сянлянь, мигом разбежалась. Остались Цзи Жань и Чжоу Юн со стражниками, лишь переглядываясь.

— Брат Цзи, это...

— Несколько дней назад Лэн Сянлянь и впрямь напала на меня из-за ребёнка. Тогда мне помогли справиться с ней односельчане, я и смог уйти. Почему она повесилась у моих ворот — не знаю. Не стану отрицать, дело связано с ребёнком, но одного этого мало, чтобы обезумевший человек на такое пошёл. Думаю, не обошлось без чужого подстрекательства, — вздохнул Цзи Жань. — Знай я, что так выйдет... Да зачем об этом говорить. Теперь, когда совесть проснулась, уже поздно. Если б я тогда не настоял на том, чтобы спасти и усыновить ребёнка, ей бы сейчас не на чём было у моих ворот вешаться, только у могильного холмика каяться. Себе навредила — сама виновата.

— Что это значит? — нахмурился Чжоу Юн. — Брат Цзи, хоть мы и друзья, но дело касается человеческой жизни. Самоубийство или убийство — неважно, раз поступило заявление, я по долгу службы обязан всё досконально выяснить. Прошу тебя, расскажи, как дело обстояло, с самого начала.

— По правде говоря, у моего приёмного сына от рождения на ноге два лишних пальца: один рядом с большим, другой — с мизинцем...

Цзи Жань ничего не утаил, подробно рассказал Чжоу Юну о деяниях семьи Лу, процессе усыновления, включая свидетельство деревенского старосты и составление соглашения. Не говоря уже о реакции окружающих, даже такой суровый мужчина, как Чжоу Юн, не смог скрытнить негодования и глубоко посочувствовал несчастному ребёнку.

— Не знаю, правда ли, что в этой деревне верят: если ребёнок родился неполноценным, то это злое чудовище, которого надо сжечь или убить. Но скажу так: мир велик, людей, рождённых с увечьями, несчётное множество. Они, кроме горькой доли с рождения, насмешек и презрения, кому принесли бедствия и несчастья? Лишь людское невежество и косность тому причиной. А раз староста тогда согласился быть моим свидетелем, значит, рассказы семьи Лу о том, что чудовище навлечёт на деревню беду и его нельзя терпеть, — полная чушь, лишь предлог, чтобы прикрыть свои злые намерения. — Цзи Жань говорил так не сгоряча, а исходя из опыта. Ребёнок уже подросток. Не говоря о тех, с кем общались мало, но семья Гао Дачжуана о его недостатке знала. По крайней мере, при первой встрече они проявили лишь сочувствие и сожаление, а не страх или отвращение. Этого достаточно, чтобы понять: семья Лу несла

околесицу. — Я усыновил Аня уже почти полгода назад, не только беды не случилось, но всё идёт как по маслу. Люди с глазами, уверен, видят.

— Люди невежественны, к рождённым с увечьями всегда относились сурово, но бросать или убивать — редкость, тем более родную мать. Как говорится, дитя не стыдится уродства матери, а мать не отвергает недостатков дитяти, — с пониманием кивнул Чжоу Юн. — Выходит, Лэн Сянлянь сама навлекла на себя беду. Если это самоубийство, ты, брат Цзи, ни при чём. Но пока дело не расследовано, ничего утверждать нельзя. Тело мы заберём, пусть судебный эксперт осмотрит, и, если подтвердится, дело закроем. Если же Лэн Сянлянь просто была не в себе — и ладно, а если её действительно подстрекали, тот человек не избежит наказания по закону.

— Потрудитесь, — с поклоном поблагодарил Цзи Жань.

Однако дети, услышав, что тело матери унесут, зарыдали ещё громче, вцепились в него и не отпускали. Двоим стражникам пришлось силой оттащить их.

Когда тело, завёрнутое в ткань, унесли, дети, рыдая, побежали вслед. Даже у каменного сердца от этого бы сжалось.

Цзи Жань обернулся к Чжан Пиню:

— Заведи детей внутрь, накорми чем-нибудь горячим. Целый день здесь торчат, голодные. Взрослым всё равно, а дети не выдержат.

— Но... — замялся Чжан Пин. — Их мать здесь повесилась. Дети не разбираются, могут ли они нас ненавидеть. Хозяин добр, но другие могут не оценить.

— Попробуй, не настаивай, — ответил Цзи Жань. Он не был излишне добрым. Его сочувствие имело предел. Если другие принимали — хорошо, не принимали — он не станет навязываться. Это касалось и детей, и взрослых.

Чжан Пин, получив приказ, больше не препирался. Тут же поклонился и направился к детям, которые, спотыкаясь, бежали вслед.

Дети, охваченные эмоциями, не слушая никого, кричали, что хотят маму. Чжан Пин что-то сказал им, младший продолжал рыдать, а старший понемногу успокоился, хотя и всхлипывал. Но ни тот, ни другой не обвиняли Цзи Жаня. Напротив, выслушав слова Чжан Пина, они с удивлением обернулись и посмотрели на него.

Чжан Пин что-то добавил, затем взял детей за руки и повёл обратно.

Проходя мимо Цзи Жаня, дети лишь, всхлипывая, смотрели на него, но ничего не сказали.

Цзи Жань встретился с ними взглядом и спокойно произнёс:

— Заводи.

Чжан Пин ответил «слушаюсь» и увёл детей.